

К. В. Левшин

Народное просвещение в годы гражданской войны в России (по материалам города Колпино)

Школьное образование является одним из важнейших общественных институтов. Революционные события 1917 г. и разгоревшаяся гражданская война разрушили весь механизм предыдущей жизни, а на обломках стремительно создавалась новая армия, новая экономика, новая школа... Школа как была, так и осталась «оружием», только теперь оно, по словам Н. К. Крупской, было вырвано из рук буржуазии, использовавшей его против интересов рабочего класса, и стало «орудием преобразования современного общества»¹. В исследованиях Н. Н. Смирнова и Е. М. Балашова² дана объемная картина революционных изменений «на школьном фронте», и написано об их глубоких социальных последствиях. Изучение вопроса функционирования народного просвещения в локальном аспекте прифронтового города позволяет, во-первых, показать один из пластов жизни Колпино, а во-вторых, представить образовательный и воспитательный процесс, его основные проблемы, механизм управления этим процессом в условиях гражданской войны.

**Левшин Константин
Викторович,**
кандидат
исторических наук,
заместитель
директора по
учебно-воспитательной
работе ГБОУ СОШ № 401
Колпинского района
Санкт-Петербурга
(Санкт-Петербург,
Россия)

Важным этапом на пути к советской школе и соответствующей системе управления народным просвещением были дискуссии и нововведения, происходившие в столичной губернии между Февралем и Октябрем в 1917 г. Тогда же были сделаны шаги по «демократизации» не только образования, но и школьного управления. Тогда же во весь голос зазвучало требование национальной школы, которое было важно для уездов Петроградской губернии с большой долей финноязычного населения, в том числе Царскосельского (с ноября 1918 г. — Детскосельского)³.

Определяющим для лица и сущности школы первых лет советской власти стал утвержденный 16 октября 1918 г. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом декрет «Об

единой трудовой школе РСФСР». Данный документ санкционировал введение двухступенчатого совместного и бесплатного общего образования: первая ступень — пять лет, вторая ступень — четыре года обучения. «Органически связанный с обучением производительный труд, «творчески радостный, свободный от приемов насилия над личностью учащегося и при всем этом планомерно и социально организованный», должен был стать основой созидания нового человека⁴. В школах вводилось широкое самоуправление, выборы педагогов. Приоритет коллективного начала, идеологизация образования стали важнейшими принципами новой школы. Она должна была растить «не худосочный интеллигентов, а смелых борцов»⁵. Несмотря на всю «лозунговость», новая школа отвечала чаяниям многих прогрессивных педагогов, которые выступали за соединение учебы и практики как основы образования. При всем единообразии содержания и методов обучения, декрет позволял действовать в соответствии с местными особенностями.

В компетенции Колпинского отдела народного образования (отнароба) находилось дошкольное, школьное, внешкольное образование, курсы, клубы, музеи, библиотека, организация лекций и кинематограф. К началу 1919 г. в состав отдела организационно входили четыре «стола»-подотдела: учебная и хозяйственная части, бухгалтерия, регистрационный стол. Основа — учебная часть — занималась реализацией «программ и принципов» единой трудовой школы, определением «правоспособности педагогов». В следующем году структура отдела образования претерпела существенные изменения: он был разделен на дошкольный, школьный, внешкольный хозяйственный подотделы и подотдел искусств. На рубеже 1920 и 1921 г. к ним добавится сектор политпросвета, задачей которого было «в тесном контакте с профессиональными и военными организациями принять самые широкие меры к организации клубов и аналогичных просветительских учреждений: вечерних общеобразовательных курсов, школ и так далее»⁶. В городе относительно успешно проходила борьба с неграмотностью, было выявлено 560 неграмотных в возрасте от 15 до 50 лет. Эта работа, по словам работников отдела образования, пользовалась поддержкой и сочувствием населения⁷.

На протяжении большей части гражданской войны главой отдела образования был М. Вахуров, который являлся одним из самых значимых и ценных колпинских кадров. В период октябрьского наступления на Петроград Северо-западной армии белых он входил в Колпинскую «революционную тройку», сосредоточившую в своих руках власть и мероприятия по обороне, неоднократно председательствовал на заседаниях Исполкома Колпинского Совета в 1920–1921 гг. Показательно, что многие руководящие работники образования совмещали эту деятельность с педагогической работой. Так, два заместителя М. Вахурова, П. Петропавловский и Т. Рыжев, были учителями, к работе в отделе активно привлекалась член Колпинского Совета учительница Е. Сперанская.

К концу 1919–1920 учебного года в районе насчитывалось семь школ первой ступени, одна — второй (1 987 учеников), шесть коммун (336 детей, воспитанников) и два детских

сада (219 детей)⁸. За годы Первой мировой войны серьезно изменился национальный и религиозный состав колпинского населения, главным образом, за счет беженцев-поляков. В конце 1919 г. было принято решение открыть Польскую трудовую школу на Ижорской улице, но, по-видимому, этот проект не был реализован⁹. Заявление колпинских поляков на открытие специального детского сада было отвергнуто Исполкомом еще в начале 1919 г. К началу 1920–1921 учебного года все колпинские школы уже имели собственные помещения в каменных зданиях с электрическим освещением и водопроводом.

К весне 1920 г. педагогический состав школ насчитывал 89 «учащих». Большой проблемой было отсутствие кадров должной квалификации, и если в школах первой ступени это было относительно терпимо из-за сравнительной легкости программы, то на второй ступени дела обстояли хуже. Частично эту проблему планировалось решить, привлекая учителей Детского Села. Из списка преподавателей, помещенного в ходатайстве о выдаче трудовых карточек (56 человек), видно, что лишь 12 из них были мужчинами, причем половина преподавала в единственной школе второй ступени¹⁰. На недостатке «умелых и опытных воспитателей» в колониях сказывалась, главным образом, сложность контингента обучавшихся, что усугубил столь сложный 1919 год, когда «дети несколько времени были предоставлены сами себе...». Для закрытия вакантных должностей в колонии была переведена часть воспитателей детских садов, а также первые выпускники колпинской советской школы 2-й ступени¹¹. В детских садах кадровой проблемы не было, требования к квалификации там были ниже.

Желающие получить место «учащего единой трудовой школы» должны были заполнить специальную анкету из 15 вопросов. Среди прочего кандидатов спрашивали о степени их знакомства с «сущностью и духом» новой школы, их взгляде на реалистичность осуществления ее идей в настоящее время, на «миссию учительства вообще» и в условиях свершившейся революции. Вопрос «Какими из следующих предметов можете заниматься с детьми» содержит характерную для кадрового голода приписку: «хотя бы элементарно». 1 сентября 1919 г. началась запись детей в школы, к занятиям приступили 10 сентября, а на конец августа, в преддверии нового учебного года, была назначена процедура перевыборов школьных работников. Весьма алармистская статья в «Известиях Петросовета», приуроченная к перевыборам учителей в Петрограде, призывала трудящихся активно участвовать в «митингах по перевыборам», осторожно и ответственно голосовать на них. Недостаток педагогов за редким исключением не мог не сделать эти выборы процедурой *“pro forma”*.

Большинство преподавателей 2-й ступени характеризовались как «самые ярые черносотенцы и шовинисты». Каково было учителям читать о себе во всех газетах как о «враждебно настроенных по отношению к советской власти и проводимым ею реформам интеллигентах»? Заметного противостояния власти и колпинского учительства в 1919–1921 гг. уже не наблюдалось. Лишь раз на заседании Исполкома Колпинского Совета представитель районного отдела просвещения Дмитриева в своем выступлении упомянула, в частности, о «неутешительном для совет-

ской власти настроении учительства»¹². Но «настроение» это было совершенно пассивным. По справедливому замечанию Е. М. Балашова, с 1918 г. во всех неудачах школьной реформы власть обвиняла учителей. Как отметил школьный инструктор губернского отдела образования К. Никонов, «растерянность учительства бьет в глаза, если раньше учитель чувствовал себя более или менее хозяином в школе и работал в ней за свой страх и в меру своих сил, знаний... то теперь этого нет: учитель запуган, безынициативен, ждет заданий сверху и, получая их оттуда в виде общих теоритических предпосылок, теряется в практическом осуществлении их»¹³.

Основные проблемы системы народного образования, естественно, лежали в материальной плоскости: «крайне скудное» питание учащихся, недостаток обуви, ученических пособий, книг, принадлежностей, непригодность большинства зданий, перебои с отоплением. Основной причиной фактической ликвидации второй школы 2-й ступени и вливание ее коллектива и учеников в первую был дефицит топлива. В январе 1919 г. в протоколах отдела образования постоянно отмечалась угроза закрытия школ из-за отсутствия дров. В декабре 1919 г. 1-я и 4-я школы первой ступени подали заявления о неотапливаемости их зданий в течение пяти и семи дней соответственно. К новому 1920–1921 учебному году все школы были переведены в каменные здания с электрическим освещением и водопроводом.

В период наступления на Петроград Северо-западной армии генерала Н. Н. Юденича, когда линия фронта проходила в нескольких километрах от Колпино, занятия в школах были отменены. Но уже 29 октября 1919 г. был издан приказ ревтройки о возобновлении занятий в школах и детских садах. Несмотря на тяжесть положения и скудность запасов, было решено безотлагательно «удовлетворить детей в школах и садах каким-либо завтраком»¹⁴. Сколь бы скудным ни было школьное питание, оно было одним из главных символов заботы власти о подрастающем поколении. В эти годы детей кормили в продолжение всего учебного года и в каникулярное время.

В первые месяцы после Февральской революции развитие внешкольного образования считалось наиболее актуальным аспектом реформирования народного просвещения. План мероприятий земств Петроградской губернии включал в себя устройство читален, различных курсов, улучшение библиотек и народных домов, проведение лекций и бесед¹⁵. В годы гражданской войны Колпино, как тесно связанный с Петроградом район, имел возможность использовать в просветительской, агитационной и культурной работе «лучшие лекторские» и «артистические» силы. Но многие из приглашаемых отказывались ехать в Колпино, «если им не дадут продуктового пайка». В Колпино регулярно проходили детские спектакли, со второго полугодия 1920 г. планировалось устраивать тематические «детские утра... под общим руководством профессора Брауда»¹⁶. Для детей и молодежи в городе действовали различные студии (литературная, театральная, художественная), «школа журнализма», но планомерности в работе не наблюдалось, так как их руководители постоянно выезжали на фронт или привлекались к советской работе. Прекрасно функционировал «Великорусский оркестр», состоящий из учеников школ, который, кроме прочего, давал десятки бесплатных концертов. Главным

недостатком на этом направлении в работе отнороба председателем Колпинского Совета И. Головешко было названо то, что среди учеников, посещающих эти секции и студии, «совершенно не видно чисто пролетарского элемента». Исправить ситуацию в короткое время не удалось, и спустя полгода, в конце декабря 1920 г., подотдел искусств вновь подвергся жесткой критике на заседании Исполкома. Его работа была признана неудовлетворительной, «уклоняющейся от пролетарской линии и крайне оторванной от широких масс»¹⁷.

Центральное место в новой школе было уделено ручному труду. По словам М. Вахурова, «только физический труд делает мысль здоровой и только мышление делает работу осмысленной». Из-за отсутствия инструментов и материалов эта деятельность велась далеко не в желаемом властями объеме. Только в 1920 г. были открыты переплетная мастерская при 3-й школе 1-й ступени и слесарно-токарная при 1-й школе 1-й ступени. На базе последней планировалось проводить обучение детей всех школ города. Повсеместно были устроены картонажные работы, кое-где открывались классы рукоделия. В 1919 г. под школьный огород были выделены три десятины земли на улице Красной. Для его обработки из учащихся создавались «трудовые классы».

Ученики и учителя колпинских школ были одними из главных, если не главными участниками всех праздничных мероприятий. Эта практика сохранилась до сегодняшнего дня. Колонны школьников и учителей стали постоянной приметой городских торжеств. По принятой на заседании комиссии по организации «женского дня» от 22 февраля 1919 г. программе, литературно-художественная часть праздника полностью легла на учеников (хор, сольные номера, струнный оркестр, декламация). Любопытно рассмотреть стихотворения, с которыми они выступали. Картина рисуется довольно мрачная: ученицы готовили произведения «В тюрьме», «Плач детей», «Еду ли ночью» и т. п.¹⁸ Значение новых праздников (годовщин февральской и октябрьской революций, Парижской коммуны, Первого мая и т. д.) подробно разъяснялось на школьных занятиях.

Особого обсуждения на одном из заседаний районного отдела образования удостоился вопрос об ученических вечеринках. В протоколе заседания отражено, что отдел, «не имея ничего против ученических вечеров», высказал пожелание, чтобы они носили «более содержательный характер и непременно сопровождалась бы литературно-музыкальным отделением». Желая не столько жестко контролировать (что было вряд ли возможно и необходимо), сколько «облагородить» и дисциплинировать подобные мероприятия, отдел распорядился доставлять им программы таковых «для сведения»¹⁹.

Одним из принципов новой школы было всемерное поощрение ученического самоуправления. В школах создавались советы учащихся старше 12 лет, президиумы которых объединялись на районном уровне. В одном из докладов М. Вахуров представил взгляд на школьную дисциплину «...лишь как на результат той или иной степени деловитости класса и проявленного интереса к предмету преподавания». Основным условием при назначении

нового руководителя клуба при 1-й школе 2-й ступени было создание условий, при которых «вся жизнь в оном текла бы по инициативе учащихся». В петроградских газетах встречались коллективные письма учеников школ и трудовых колоний с жалобами на школьное руководство, обвинение педагогов в грубом обращении и воровстве казенного имущества.

С осознанием реального положения дел в подростково-молодежной среде вообще и в школе в частности, с ростом девиантного поведения, увеличением числа преступлений, совершенных несовершеннолетними, политика была скорректирована. Колпинский Исполком на заседании 28 декабря 1920 г. постановил «предложить Отнаробу обратить самое серьезное внимание на нравственно-этическое воспитание подростков, усилить надзор за учащимися...»²⁰. 4 января 1921 г. «в целях борьбы с детской преступностью и беспризорностью, выразившейся в ряде уродливых явлений: кражах, стрельбе, драках, и т. п. нарушений общественной тишины и порядка» был издан приказ Отдела Управления Колпинского Совета. В соответствии с приказом, преподаватели должны были активно вести «нравственные беседы» с учениками, всячески поднимать уровень их воспитанности и дисциплинированности²¹. Ответственность за поведение воспитанников коммун ложилась на персонал.

Кроме прочего, в Колпинском районе имелось семь детских колоний. Их состояние можно определить на основе опросных листов, отложившихся в фонде 171 (Колпинский городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов) Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Они были составлены в начале очередного 1920–1921 учебного года. В колониях на тот момент числилось 243 воспитанника обоих полов от 3 до 17 лет. Сами здания большинства колоний не были пригодны для содержания детей, требовали серьезного ремонта, зимой там было «страшно холодно», чему способствовало и отсутствие дров. Не действовал водопровод, и воду приходилось брать из колодцев, реки, или она доставлялась водовозом. Снабжение медикаментами, в том числе элементарными (бинтами, ватой, йодом и т. д.), было на «крайне скудном» уровне, почти везде не хватало мыла. Не было игрушек, канцелярских товаров, материалов для поделок. Заведующая детской колонией № 6 писала: «Для детей более старшего возраста нужны книги для чтения, для других, во-первых, азбука и другие книги после букваря. Для занятий в свободное время: лото, гусек, мячик, кукла (маленькие девочки приучатся шить), домино, кубики...»²². Любопытна мотивировка о необходимости выделения для колонии куклы: это не пустая забава, а стимул с младых ногтей заняться полезным трудом, овладеть соответствующими профессиональными навыками. Основной задачей, кроме вечной темы ремонта, поставленной Колпинским Советом перед отнаробом весной 1920 г., было отделение возрастных воспитанников колоний (15-летних) от младших, и здоровых от «дефективных», которых следовало «разгруппировать по дефектам»²³. Первая задача, как очевидно следует из опросных листов, целиком выполнена не была, хотя о степени «отделенности» в постановлении Совета не говорится. Так, в детской коммуне № 3 размещались дети от 5 до 16 лет, в коммуне

№ 1 — от 12 до 17 лет, а в двух колониях находились дошкольники²⁴. В мае 1921 г. все колпинские колонии были переведены в Детское Село. Еще зимой была создана комиссия по переводу из Колпино детских учреждений, которая разработала план переезда, подготовила его с технической стороны.

Кадры для работы с детьми в колпинских колониях были двух типов. Большинство представляли молодое поколение 1900–1903 годов рождения, закончивших уже советскую школу (в основном, в Колпино). Они пришли сюда с конторской, канцелярской работы или прямо со школьной скамьи. Подавляющее большинство — «девицы». Вторая группа — это представители старшего поколения: как правило, вполне образованные вдовы с детьми и престарелыми матерями на иждивении. Реальным стимулом для работы в школах, детских садах и колониях для многих была возможность получить казенную жилую площадь (обычно при школе или коммуне).

Сложную ситуацию с детскими садами, которые были переполнены, удалось решить через выделение новых зданий. На рубеже 1918–1919 гг. был разработан план размещения 60–80 детей в 4-й школе. Одна из сотрудниц детского сада в начале 1919 г. заявляла о недопустимости помещения ее заведения в одном доме с советскими учреждениями, так как их посетители легко могли «занести заразу» в детский сад. Кроме того, «двери садов ввиду того, что там помещается отдел народного образования, почти никогда не закрываются и дети ускользают от внимания руководительниц и выбегают раздетые на улицу». Показательно, что решением в данном случае стал не перевод детского сада, а переезд самого отнараба из добротного каменного здания в деревянный дом на проспекте Ленина, «который до сего времени был занят попами и теперь освободился»²⁵.

Знакомясь с протоколами заседаний Исполкома Колпинского совета, на которых поднималась тема народного образования, с отчетными докладами председателей отдела образования, видно, что они неизменно обсуждались и принимались с учетом «трудностей работы ввиду экономической разрухи и недостатка работников». Создание советской школы в годы гражданской войны стало уникальным опытом, попыткой организации в экстремальных условиях нового образовательного института, приобщения к грамоте широких масс. Ученики и, в особенности, «учащие» (учителя) оказались своеобразными заложниками этого опыта. Тем не менее, говоря о недостатках просвещения первых лет советской власти, нельзя идеализировать и превозносить дореволюционную систему.

¹ Крупская Н. К. Народное образование и демократия. М.; Л., 1930. С. 131.

² См.: Смирнов Н. Н. На переломе: российское учительство накануне и в дни революции 1917 года. СПб., 1994; Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927: Становление нового человека. СПб., 2003.

- ³ Подробнее см.: *Гаврилова О. А.* Земство и революция. 1917 год в Петроградской губернии. СПб., 2009.
- ⁴ Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 74. ст. 812.
- ⁵ Известия Петросовета. 1919. 7 сентября.
- ⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 171. Оп. 1. Д. 92. Л. 1 об.
- ⁷ Там же. Д. 37. Л. 36.
- ⁸ Там же. Д. 92. Л. 36.
- ⁹ Там же. Д. 66. Л. 108.
- ¹⁰ Там же. Л. 113.
- ¹¹ Там же. Д. 37. Л. 98 об.
- ¹² Там же. Д. 7. Л. 73 об.
- ¹³ Цит. по: *Балашов Е. М.* Школа в российском обществе... С. 98.
- ¹⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 171. Оп. 1. Д. 71. Л. 62.
- ¹⁵ *Гаврилова О. А.* Земство и революция... С. 114–115.
- ¹⁶ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 171. Оп. 1. Д. 37. Л. 36 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 92. Л. 1 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 66. Л. 27.
- ¹⁹ Там же. Л. 24.
- ²⁰ Там же. Д. 92. Л. 1 об.
- ²¹ Там же. Д. 138. Л. 3.
- ²² Там же. Оп. 2. Д. 116. Л. 69
- ²³ Там же. Оп. 1. Д. 37. Л. 36 об.
- ²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 116.
- ²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 4 об., 7.

УДК 94(47).084.3

Левшин К. В. Народное просвещение в годы гражданской войны в России (по материалам города Колпино) // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 218–226.

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется функционирование системы народного просвещения города Колпино (Детскосельский уезд Петроградской губернии) в годы гражданской войны в России. Изучение вопроса функционирования народного просвещения в локальном аспекте прифронтового города позволяет показать один из пластов жизни Колпино и представить образовательный и воспитательный процесс, его основные проблемы, механизм управления им в условиях гражданской войны. Статья основана на архивных материалах. В компетенции Колпинского отдела народного образования (отнароба) находилось дошкольное, школьное, внешкольное образование, клубы, музей, библиотека, организация лекций и кинематограф. К концу 1919/1920 учебного года в районе насчитывалось семь школ первой ступени, одна — второй, шесть коммун, два детских сада. К весне 1920 г. педагогический состав школ составляли 89 «учащих». Кадров должной квалификации среди них было недостаточно. К учителям, особенно преподающим в старшей школе, отношение властей было весьма подозрительным, в них видели едва ли не врагов, обвиняли во всех трудностях школьной реформы. Вопросы народного образования часто обсуждались на заседаниях Исполкома Колпинского совета, с отчетными докладами на них выступали председатели отдела образования. Из протоколов таких заседаний видно, что они неизменно принимались с учетом «трудностей работы в виду экономической разрухи и недостатка работников». Основными проблемами было «крайне скудное» питание учащихся, недостаток обуви, пособий, книг,

учебных принадлежностей, крайний дефицит топлива, трудности с водоснабжением, непригодность зданий. Создание советской школы в годы гражданской войны стало уникальным опытом, попыткой организации в экстремальных условиях нового образовательного института, приобщения к грамоте широких масс. Говоря о недостатках просвещения первых лет советской власти, нельзя однозначно идеализировать и превозносить дореволюционную систему.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: образование, просвещение, школы, воспитательные колонии, детские сады, учителя, гражданская война, Петроградская губерния, Колпино.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, заместитель директора по учебно-воспитательной работе ГБОУ СОШ № 401 Колпинского района Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Россия); petrograd84@mail.ru

Levshin K. V. Public education during the Civil War in Russia (according to the materials of Kolpino)

ABSTRACT: The article analyzes the functioning of the system of public education in the city of Kolpino during the Civil War. Research into this problem in the context of frontline city existence allows insight into one of the layers of Kolpino life. This kind of study gives an opportunity to present the educational process and its essential problems. The paper is based on archival materials. The following areas were within the competence of the Kolpino Department of Education ("Otnarob"): pre-school and school education, after-school activities, courses, lectures, clubs, cinema, the museum, and the library. By the end of the 1919–1920 academic year there were seven stage one schools, one stage two school, six educational colonies and two kindergartens in the district. Investigation into the proceedings of Kolpino Executive Committee sessions and reports of the chairmen of "Otnarob" showed that these documents were always discussed and accepted taking into consideration "economic collapse and the lack of workers". Most of the teachers who worked at stage two schools were called by the press "the most violent members of the 'Black Hundred' and chauvinists". Since 1918 the authorities blamed teachers for all the failures of the school reform. The creation of the Soviet school during the Civil War can be seen as a unique experience of the organization of a new educational institution under extreme conditions. Students and teachers became hostages (the victims?) of this experience. However, in pointing out the shortcomings of education during the first years of the Soviet power it would be incorrect to idealize and extol the pre-revolutionary system of education.

KEYWORDS: education, schools, educational colonies, kindergartens, teachers, the Civil War, Petrograd Province, Kolpino.

AUTHOR: Candidate of History, deputy director, school no. 401 of Kolpino district (St. Petersburg, Russia); petrograd84@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Krupskaja N. K. *Narodnoe obrazovanie i demokratija* (Moscow - Leningrad, 1930).
- ² Smirnov N. N. *Na perelome: rossiiskoe uchitelstvo nakanune i v dni revoliucii 1917 goda* (St. Petersburg, 1994).
- ³ Balashov E. M. *Shkola v rossiiskom obshchestve 1917–1927: Stanovlenie novogo cheloveka* (St. Petersburg, 2003).
- ⁴ Gavrilova O. A. *Zemstvo i revoliuciia. 1917 god v Petrogradskoi gubernii* (St. Petersburg, 2009).